

ных и фундаментальных, к тому же сопоставимых для всех разделов классификации критериев. Это обстоятельство нашло отражение в некоторой нечеткости классификации типов и подтипов сельского хозяйства, в частности, Африки (с. 82, 93). Выделение некоторых из них вызывает известные возражения, недостаточно четки критерии, положенные в основу их разграничения.

Но в целом, несмотря на наличие отдельных неточностей, недостаточную разработанность некоторых проблем, связанных с хозяйственно-культурной типологией, рецензируемый труд представляет ценное исследование и является полезным вкладом в этнографическую науку. Рассмотренные Б. В. Андрианов проблемы имеют, как отмечалось, важное научное и практическое значение. Хотелось бы пожелать автору их дальнейшей успешной разработки, особенно в области фундаментальных вопросов, связанных с теорией хозяйственно-культурных типов.

Г. Е. Марков

НАРОДЫ СССР

Н. В. Юхнева. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX века. Статистический анализ/Отв. редактор К. В. Чистов. Л.: Наука. 1984. 222 с.

Наше время характеризуется все более широким поиском на стыках наук и становлением новых научных дисциплин. В структуре современной этнографии также немало новых направлений, и разветвление наук продолжается. Подчас отдельная книга своим появлением может стимулировать целую цепь дальнейших изысканий.

Изучением городского населения в нашей стране больше всего занимаются социологи и географы, причем для тех и других этнический аспект обычно имеет второстепенное значение. В зарубежных странах, прежде всего в США, где над проблемами крупных городов работает уже не одно поколение социологов, демографов, географов и культурологов, в потоке литературы также преобладают либо социологические исследования, либо детальные описания отдельных этнических общин. В советской этнографической науке изучение городского населения стало широко разворачиваться в послевоенные годы. Собранный и опубликованный обильный материал о культуре и быте горожан; огромный поток информации дают исследования в рамках новых направлений — этносоциологии, этногеографии, городской экологии. Тем не менее, комплексного этнодемографического описания населения большого многонационального города мы до сих пор не имели.

Именно к такого рода исследованиям можно отнести рецензируемую монографию Н. В. Юхневой о населении Петербурга. В структуру нашей этнографической науки она вводит большую тему, которую лучше всего назвать «исторической этнодемографией и этногеографией крупного города».

К числу несомненных достоинств книги Н. В. Юхневой мы относим прежде всего: комплексность историко-статистического анализа; глубину и оригинальность в использовании исходных статистических данных; взгляд на крупный город, столицу многонациональной империи в живой связи с его периферией и государством в целом.

Н. В. Юхнева, на наш взгляд, сумела найти форму комплексного этнодемографического описания, удачно соединив «общий» и «частный» уровни исследования. Достигается это за счет продуманного баланса между главами первой половины книги, где под разными углами рассматривается в целом население Петербурга, и шестью заключительными главами, посвященными отдельным этническим группам. При этом автор ставит (и решает!) проблему соотношения «общего» и «частного» снова и снова: рассматривая в целом население города и роль в нем всех важнейших этнических групп (глава 1), этническую специфику сословного и профессионального состава населения (глава 2) и, наконец, размещение основных этнических групп по территории города, в пределах его административных подразделений и установленных автором социально-бытовых зон (глава 4).

Петербург предстает перед читателем как город с преобладающе русским населением. Это коренные уроженцы столицы и недавние выходцы из ближних и более отдаленных губерний, крестьяне и мещане, дворяне и купцы, ремесленники и рабочие. Сменяются исторические напластования, меняется лицо города. Но Н. В. Юхнева, не ограничиваясь подробным социальным и региональным анализом русского населения Петербурга, скрупулезно исследует и его нерусские меньшинства, которые на протяжении рассматриваемого ею периода составляли около $\frac{1}{5}$ населения города. В духе научных традиций этнографии, автор пристально вглядывается не только в крупные, но даже и в сравнительно малые этнические группы, обычно игнорируемые другими специалистами в силу их численной «второстепенности». В книге показано, что каждая из этих малых групп внесла свой вклад в становление своеобразного облика Петербурга — Ленинграда.

Книга интересна для очень разных читателей: историк социальной структуры найдет в ней богатые данные, извлеченные из обработанных автором городских переписей; демограф — опыт реконструкции этнического состава по неполным источникам; географ населения — материалы для изучения миграций; а любой ленинградец — разнообразные сведения об истории своего родного города.

Ценная черта рецензируемой монографии — широкое использование статистических таблиц и карт. Хорошо, что статистические таблицы постепенно становятся все более привычными для наших этнографических сочинений. А вот картографические методы (не просто карты-иллюстрации, а именно методы оценки, типологизации и изложения материала) пока мало популярны среди этнографов. Поэтому приятно отметить не только профессиональное историческое, но и пространственное видение Н. В. Юхневой объекта своего исследования, стремление максимально использовать картографические средства выражения. К сожалению, некоторым картограммам, на наш взгляд, не хватает наглядности в подборе штриховок, условных значков. Это следует учесть при других публикациях подобных материалов или новом издании книги.

В работе Н. В. Юхневой читатель встретится с большим числом методических приемов, используемых автором для отражения многонациональности крупного капиталистического города, специфики формирования этнического состава Петербурга. Каждый, кому приходилось работать с материалами демографической статистики, знает, как трудно бывает порой получить сопоставимый ряд данных из-за методических и всевозможных иных несовпадений источников. Поэтому при любом историко-статистическом анализе приходится проводить (а чаще — изобретать) специальную процедуру оценки достоверности первичных цифровых данных. Этот факт хорошо известен демографам, но, к сожалению, не всегда находит отражение на страницах наших этнографических публикаций. В этом отношении рецензируемая книга дает нам хороший пример: в ней не просто оговорены все особенности и недочеты использованных источников (с. 8—11, 22—23, 34—38, 50—51, 100—101 и др.), но и проведена подлинная *реконструкция* этнического и этносоциального состава населения Петербурга. Методические приемы выполненной автором реконструкции при этом полностью выносятся на суд читателя, что обеспечивает возможность их проверки и независимого воспроизведения — основное требование современной науки.

Насколько необходима такая реконструкция, хорошо видно на примере определения численности в Петербурге русских, украинцев и белорусов (с. 129—141). По расчетам Н. В. Юхневой, численность украинцев оказалась в 6, а белорусов — в 30 (!) раз выше цифр, приводимых в официальных статистических источниках. Реконструкция численности проведена и для прочих рассматриваемых в книге этнических групп: финнов и шведов (с. 165—169), немцев (с. 181—182), эстонцев и латышей (с. 192—195), поляков и литовцев (с. 200—202), евреев (с. 207—208).

К сильным сторонам рецензируемой книги можно отнести и широкий исторический и пространственный контекст всего повествования. Связь Петербурга с государством в целом показана автором широко и разнообразно: как в исторических разделах (см. главу 1, с. 105—107 и соответствующие части в главах об отдельных этнических группах), так и в специально проведенном анализе сферы притяжения города для основных категорий мигрантов (глава 3).

Необходимость изучения миграций для понимания истории, социальной и этнической структуры города не раз подчеркивалась в нашей литературе (например, В. В. Покишиевским). Бесспорной заслугой Н. В. Юхневой является первый опыт сплошного территориального анализа статистических источников для реконструкции поля «миграционного притяжения» Петербурга. Автор вводит новый показатель «миграционной активности» (МА) в Петербург и рассчитывает его для жителей всех губерний Европейской России по данным переписей 1897 и 1900 гг.; рассматривает региональные, социальные и этнические различия потоков миграций. Этот сложный анализ выполнен Н. В. Юхневой с присущей ей тщательностью, широким использованием картографических приемов, построением больших сводных таблиц.

Стремление автора к максимальной полноте повествования не позволяет ей ограничиться одним Петербургом. Те же показатели рассчитаны Н. В. Юхневой и для Москвы (с. 98—101), а несколькими страницами выше проведено сопоставление Петербурга с Москвой и еще десятью другими крупнейшими городами Российской империи¹. Такие сопоставления не уводят автора от центральной темы, а лишь подчеркивают специфические и типичное в главном объекте анализа.

Отмечая достоинства рецензируемой монографии, мы все же хотели бы видеть в ней этап целой серии исследований. Ведь специфика жизни в огромном городе состоит в значительной мере в «перемалывании» особенностей и различий, формировании некоего нового качества (точнее — многих новых качеств) из неповторимого сочетания исходных элементов. Это хорошо показано Н. В. Юхневой на примере выравнивания национальной пестроты населения отдельных частей Петербурга между 1869 и 1910 гг. (с. 111—128) при сохранении как внутренней социально-топографической структуры города, так и его социально-этнического облика.

За динамикой цифр здесь были скрыты глубокие и исключительно важные для понимания истории Петербурга процессы — смешанные браки, переход к двуязычию или изменение разговорного языка, сохранение или смена вероисповедания, формирование русскоязычных национальных субкультур в условиях этнически доминирующего русского окружения. Для изучения всех этих явлений Н. В. Юхневой теперь подготовлена развернутая этно-статистическая база. Завершен необходимый этап исследовательского поиска, цель которого — описать языком науки всю неповторимость и вместе с тем типичность формирования этнокультурного облика Петербурга—Ленинграда.

¹ В другой работе она сравнивает Петербург с европейскими городами (см. Юхнева Н. В. О роли многонациональных городов Центральной и Восточной Европы в интеграционных этнических процессах (XVIII—XIX вв.) — Сб.: У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1984).

Впрочем, почему только Петербурга? Москва и Киев, Минск и Рига, Таганрог и Одесса, Ташкент и Баку, Владивосток и Нижний Новгород тоже прошли этапы становления городского этнокультурного организма, взаимодействия зарождающегося крупного города и его периферии, основного этнического ядра и разнородных инонациональных элементов. В общности этих процессов можно видеть отражение универсальной этнокультурной роли крупных городов как средоточия активных межэтнических контактов. Поэтому и другие авторы, обратившись к такой теме, несомненно столкнутся с аналогичными проблемами этностатистической реконструкции, критической оценки используемых источников, их интерпретации, математической и картографической обработки. Встанет перед ними и задача отражения всей полноты этнокультурного облика города, которую нельзя решать, как это порой полагают, описанием лишь численно доминирующего этноса. Самый надежный путь (и это показывает рецензируемая книга) — скрупулезный анализ источников и воссоздание полной этнической и социальной структуры города на выбранный период.

Усилиям Н. В. Юхневой, ее ленинградских коллег, регулярно проводимым конференциям по истории и культуре старого Петербурга (Ленинграда) обязан своей историко-демографической, этносоциологической и культурологической изученностью. Однако и в Москве и во многих других крупных городах страны среди разнообразных исторических источников есть массовые опубликованные и архивные материалы, доступные для детальной этно-статистической разработки. Давно назрела пора и нам, москвичам, обратиться к этнодемографической истории нашего города. В важности и ценности подобных исследований убеждает нас рецензируемая книга.

М. Я. Берзина, И. И. Крупник

The Lubok. Russian Folk Pictures. 17th to 19th century/Introduction and Selection by Al-la Sytova. Leningrad: Aurora, 1984. 270 p. 178 ill.

Литература о лубке пополнилась еще одним красочным альбомом: «Лубок. Русские народные картинки XVII—XIX вв.». Альбом вышел в издательстве «Аврора» и рассчитан на зарубежного читателя, поэтому пояснительные тексты даны в нем на трех языках: английском, французском и немецком.

В альбом включен 171 лист из наиболее значительных коллекций, хранящихся в фондах Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственного Исторического музея (Москва), Государственного Русского музея, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Центрального государственного исторического архива СССР (Ленинград).

Материалы альбома распределены по четырем разделам: а) гравюры на дереве (конец XVII — середина XVIII в.); б) гравюры на меди (середина XVIII — первая половина XIX в.); в) рисованный лубок (конец XVIII—XIX в.); г) гравюры на меди и литография (вторая половина XIX в.). Разделы предваряются кратким пояснительным текстом, в котором характеризуются источники, указаны сокращения.

Каждая картинка сопровождается содержательной аннотацией. Они подготовлены Е. И. Иткиной, Е. А. Мишиной, Н. И. Рудаковой, А. Г. Сакович и А. С. Сытовой. В аннотациях сообщаются сведения о времени создания лубка, технике исполнения, его размерах, указаны место хранения картинки (шифр или инвентарный номер) и имя владельца коллекции, в которую она ранее входила; дается краткий исторический и искусствоведческий комментарий. Листы репродуцированы в их оригинальном цвете. Важно и то, что в аннотациях указывается, учтен ли тот или иной лист в справочниках о лубке, прежде всего в каталоге Д. А. Ровинского¹.

Автор-составитель альбома и вступительной статьи А. С. Сытова знакомит зарубежного читателя с местом, занимаемым лубком в русской народной культуре. В статье подчеркивается непреходящая эстетическая и историческая ценность лубка. По мнению А. С. Сытовой, «ни одна национальная культура не может быть полностью понятой без учета такого феномена, как народная картинка» (с. 5).

Весь иллюстративный материал систематизирован в хронологическом порядке и дан в ретроспективе развития лубка. Такой принцип применен впервые и, безусловно, целесообразен. Благодаря ему, автору удалось показать изменение техники производства лубка на протяжении многих десятилетий и в соответствии с этим выделить различные художественные школы.

Истоки возникновения народных картинок в России А. С. Сытова связывает с появлением гравюры на дереве (отдельно от книги) во второй половине XVII в. (с. 6). Автор учитывает также недавнюю находку сорока трех листов, относящихся ко второй половине XVII — началу XVIII в.² Самая ранняя из них — «Архангел Михаил» была напечатана в 1668 г. (илл. 1). А ведь до недавнего времени единственными датированными экземплярами народной картинки XVII в. считались «Библия» и «Апокалипсис» Василия Корень (соответственно 1692 и 1696 гг.).

В первом разделе альбома представлен широкий диапазон сюжетов, присущих деревянному лубку (илл. 1—42). Для самых ранних листов, по художественному исполнению очень близких к русской иконе, характерна религиозная тематика. Постепенно она сменяется светскими сюжетами. В лубке этого времени особенно ярко отразились

¹ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. 1—5. СПб., 1881.

² Алексеева М. А., Мишина Е. А. Ранняя русская гравюра. Вторая половина XVII — начало XVIII века. Новые открытия. Каталог выставки. Л., 1979.